

ИЗ ИСТОРИИ СИБИРСКОЙ ССЫЛКИ А. Н. РАДИЩЕВА

Обзор И: Троицкого

Суровая кара, постигшая Радищева, была началом столетней борьбы царизма с революционной мыслью, как таковой, даже если она и не была связана с каким-нибудь реальным революционным действием. Именно такой характер имело и «преступление» Радищева, и расправа с ним казалась тем более жестокой, что отправлялся в сибирскую глушь, в никому неизвестный Илимский острог, не мятежный казак или крестьянин, а человек хорошего общественного положения, видный петербургский чиновник с блестящей карьерой в перспективе, лично хорошо известный самой императрице. И отправлялся он в ссылку не за участие в придворных интригах или масонских конспирациях, не за попытку гвардейского переворота, а за какое-то мало дворянское дело—издание книги вольнодумной и к престолу непочтительной.

Едва ли кто-нибудь из современников, не исключая может быть и самого автора, мог по достоинству оценить весь запас революционной энергии, которой зарядил Радищев свое «Путешествие». В те времена родовитые вольтерьянцы умели читать самые «возмутительные» произведения французских идеологов третьего сословия, не заражаясь смыслом прочитанного и лишь поверхностно усваивая чуждую им по классовому содержанию фразеологию. Недаром даже такой выдающийся для своей среды человек, как русский посол в Англии С. Р. Воронцов, писал о книге Радищева, как о результате «опротечивости ума, в которой сердце не принимало никакого участия»¹. Большинство первых читателей Радищева находило в его книге только дерзкие выражения, направленные против императрицы и ее фаворитов. Даже иностранные писатели о России (возможно потому, что передавали чужие слова) видели причину изгнания Радищева в его нападках на Екатерину и Потемкина². Лучшее других понял Радищев Екатерина, но и она сделала ударение не столько на тех местах книги, где шла речь о крестьянской революции, сколько на том, что «сочинитель не любит царей и где может к ним убавить любовь и почтение, тут жадно прицепляется с редкою смелостию».

Но и этого было достаточно, чтобы сгноить автора в Сибири; на такой исход дела вероятно рассчитывала и Екатерина, то же думали и современники, представления которых о Сибири были к тому же довольно туманны; цитированный выше С. Р. Воронцов в другом письме высказывался в том смысле, что десять лет ссылки в Сибирь на поселение хуже смерти³.

Так оно может быть и оказалось бы для Радищева, если бы счастливый случай не поставил его в такие условия, сравнения с которыми не выдерживает даже привилегированное положение сосланных в Сибирь декабристов. На основании писем самого Радищева и некоторых других данных общая картина пребывания Радищева в ссылке в литературе установлена; известно также, благодаря чему, или вернее кому создались эти благоприятные для изгнанника условия. Неизменным покровителем Радищева явился знатный екатерининский вельможа, граф Александр Романович Воронцов.

А. Р. Воронцов—фигура любопытная для своего времени и достойная внимания по той роли, которую он сыграл в экономической истории страны в бытность свою президентом Коммерц-коллегии. Но независимо от его участия в государственной жизни, одного отношения его к Радищеву было бы достаточно, чтобы выделить его из рядов современного ему знатного барства. Не будучи ни в какой мере революционером, он не только оказывал всыческую поддержку Радищеву, когда тот был его подчиненным, но покровительствовал и фактически содержал автора «Путешествия из Петербурга в Москву» в период ссылки.

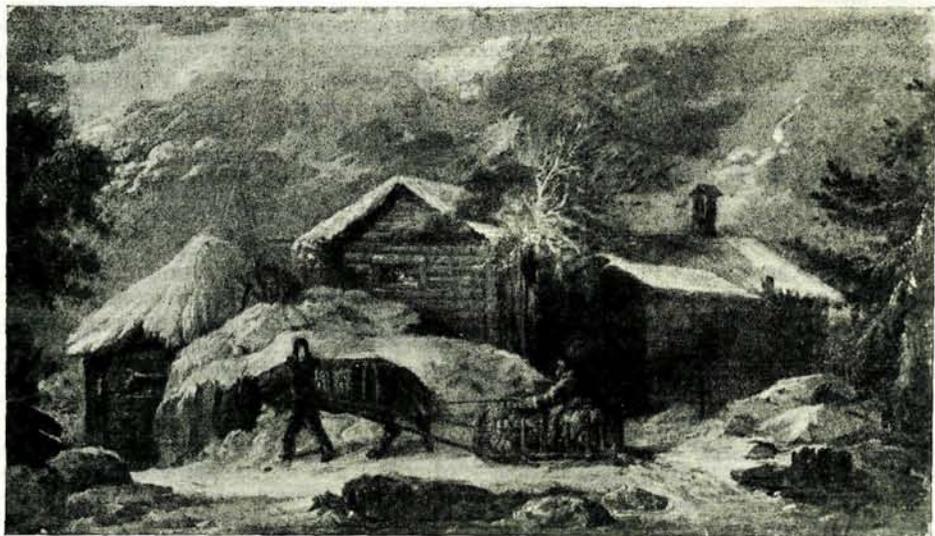

Его пр—ву Пилю

Милостивый государь мой Иван Алферьевич!

в краю вашего пребывания имеющий торговые дела господин Голиков¹⁰ хвалился весьма благосклонностию и милостию, оказываемыми ему от вашего превосходительства, хотя и сам он может быть в начале будущего года поедет туда, но ныне отправляет своего прикащика, то при сем случае снабдил я его сим письмом, которое сам ли он господин Голиков или его прикащик вам доставит. Рекомендую вашему пр—ву в милость поминаемого г-на Голикова и дела его в ваше покровительство, прося покорно в случае прибежища к вам его самого или поверенного его не оставить вашим пособием и законною защитою.

А при отправлении своем взял оной г-н Голиков сvezьть до Иркутска четыре ящика, адресованные на ваше имя, в коих уложены барометры и термометры, и кои посылаются к бывшему Коллежскому Советнику Александру Николаевичу Радищеву, дабы он мог в уединении своем пользоваться оными¹¹. Я прошу [ваше] превосходительство, когда вы изволите получить оные ящики, приказать доставить

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ

Картина маслом К. Ф. Кнаппе (конец XVIII в.)
Русский Музей, Ленинград

их к означенному Радищеву в место его пребывания; и меня как о получении вами, так и о доставке оных к Александру Николаевичу Радищеву одолжить меня своим уведомлением, чем чувствительно обязать изволите имеющего честь быть навсегда с истинным почтением и преданностию
вашего пр—ва

С.п.бург.
декабря 21-го 1790¹².

Во втором письме, представляющем скорее всего окончательную редакцию первого, тон суше и тверже:

...Известной вам г. Голиков, отправляющий в тамошнем краю мореходную компанию и торговлю, имея намерение вскоре отсюда ехать в Иркутск, отпустил наперед от себя прикащика, которой и доставит вам письмо мое, данное оному г-ну Голикову, в котором я его рекомендовал вашему превосходительству. А при случае отправления помянутого прикащика послано с ним под адресом на ваше имя четыре места, в коих уложены барометры и термометры для Александра Николаевича Радищева, которую посылку и вручит вам оной прикащик. По получении вами от него тех ящиков покорно прошу сделать мне одолжение приказать их доставить к Александру Николаевичу в жилище его, чем меня обязать изволите. А сверх того приложенной при сем пакет на имя означенного Радищева, в котором вложены

письма от его родственников и мое, также прошу ваше превосходительство приказать к нему доставить. Рекомендую в милость и благоволение ваше поминаемого Александра Николаевича Радищева, имею честь быть навсегда с истинным почтением и преданностию

вашего превосходительства

С. петербург
декабря 23 1790 ¹³.

Мало было однако наладить собственную связь с Радищевым; нужно было еще обеспечить ему возможность сноситься с родственниками. Этому вопросу посвящены два следующих письма.

Его пр—ву Пилю

Милостивый государь мой Иван Алферьевич!

Архангелогородской Губернии таможенных дел советник Моисей Николаевич Радищев взял на себя воспитание больших сыновей брата своего Александра Николаевича Радищева; то будет иметь уведомлять о них иногда брата своего; я прошу ваше пр—во позволить ему письма свои адресовать на ваше имя, и включаемые к Александру Николаевичу доставлять, равно и от него когда будут письма пожаловать пересылать к означенному Моисею Николаевичу, а я сие ваше снисхождение приму собственным себе одолжением, имея честь быть навсегда с истинным совершенным почтением

вашего пр—ва

С.п.бург
Генваря 19 дня
1791 ¹⁴.

Его пр—ву Пилю.

Милостивый государь мой Иван Алферьевич!

Николай Афонасьевич Радищев, отец бывшего Коллежского Советника Александра Николаевича Радищева, в бытность свою здесь для устройства домашних дел сына своего и распоряжения о долгах его, просил меня, чтобы я рекомендовал его вашему пр—ву и как издавна все сие семейство мне знакомо, и я во всем до него касающемся искренное принимаю участие, то в надежде дружбы вашей ко мне не мог я сему старику в том отказать. А как он желает один раз в месяц писать к сыну своему, то прошу ваше пр—во по человеколюбию позволить ему письма свои к вам адресовать, а вас покорно прошу взять на себя труд оные доставлять к Александру Николаевичу и от него письма к отцу его для пересылки сделать снисхождение принимать и к нему пересылать, чем крайне обязать меня изволите. Впрочем имею честь быть навсегда с истинным почтением и преданностию

вашего пр—ва

С.п.бург
Генваря 19 дня
1791.

Последующих писем Воронцова мы не нашли. Но сообщения Пиля сохранились почти все, и выдержки из них дают довольно подробную картину за несколько лет. Радищева еще не было в Иркутске, но Пиль уже изъявлял готовность угодить своему высокопоставленному патрону.

[Начало письма от 8 октября 1791] ¹⁵.

Последнее милостивое вашего сиятельства письмо от 28-го августа с приехавшим последним моим курьером и приложенною к г-ну Радищеву посылкою я получил исправно, за что и проношу (sic!) мою вашему сиятельству благодарность, и имею честь донести, что сей же курьер мне объявил, что он г-на Радищева объехал от Иркутска с небольшим в двух стах верстах, почему он на сих днях и ожидается сюды, по приезде же ево в каком положении будет здоровье ево и как он примет намерение отправиться в определенное ему место обстоятельно вашему сиятельству донести не оставлю...

Еще раньше повидимому Пиль установил связь с прибывшим в Тобольск и остановившимся там Радищевым. Повидимому курьеры иркутского генерал-губернатора получили распоряжение останавливаться в Тобольске и принимать почту от Радищева. Указание на это находим в письме последнего от 1 марта 1791 г.

Наконец в Иркутск приезжает этот не столько государственный преступник, сколько долгожданный гость. Прием Пиля был таков, что Радищев в письме от 14 октября 1791 г. сообщал: «Приветствие его и всей его фамилии довольно убеждает меня, что ваше сиятельство меня не забыли; воздаяние вам за то слеза искренния

признательности пред алтарем всевышнего...» От времени пребывания Радищева в Иркутске сохранились письма И. А. Пила и его жены. Приводим их целиком, так как они представляют интерес не только фактических данных, но и для понимания отношений между Пилем и Воронцовым и того, чем платил последний за услуги, оказываемые Радищеву.

Ваше сиятельство

Милостивый государь мой граф Александр Романович!

Осьмого числа сего месяца прибыл благополучно Александр Николаевич Радищев с детьми своими и свояченою, от которой имела честь я получить письмо вашего сиятельства, за что и приношу мою покорную благодарность, уверяя притом, что я за первой долг себе поставляю исполнять все желания вашего сиятельства, да и собственное расположение души моей обязывает меня со всеусердием вспомоществовать сей несчастной фамилии, которая достойна всякого соболезнования. Чтож принадлежит до Елизаветы Васильевны, то она редкой своей дружбой к Александру Николаевичу и материнским попечением к малолетним его детям такоже заставляет всякого иметь к ней совершенное почтение.

И так доношу вашему сиятельству, что мы бываем всякой день вместе, и надеюсь, что я еще буду сим удовольствием пользоваться. Прекрасные его детки кажутся теперь совершенно спокойными.

Объясня все сие вашему сиятельству, приступаю с покорнейшею моею просьбою. Состояние моей дочери и слабое ее здоровье, которое единственно происходит от разлуки с мужем ее, много нас беспокоит. Покорно прошу вас выпросить зятя нашего в отпуск, чем успокоите всех нас и обяжете на всю жизнь нашу благодарностию. Я же еще раз уверяю вашего сиятельства, что все ваши приказания исполню с великим удовольствием. Затем, препоруча себя в милость вашу и пр.

Елизабета Пилева.

15 октября 1791 году ¹⁶.

Сиятельнейший граф,

Милостивый Государь!

Я уже имел честь вашему сиятельству доносить, которого месяца и числа Алекс. Никол. Радищев с Елизаб. Василье. сюда прибыл. Они и теперь еще здесь в расуждении дороги, по которой до зимнева пути, по причине слабости их здоровья, ехать никак не можно, зимней же путь не прежде здесь бывает, как в конце ноября или в декабре, и тогда и отправится в назначенное ему место. Между тем они были оба больны, но севодни выехали ¹⁷. На сих же днях отправлено в Ылимск водую имение его и лишние люди, что гораздо удобнее и дешевле, и некоторая провизия, которой там достать невозможно, а сам остался налехке ¹⁸.

Я дому для житья его там покупать не рассудил, а нашелся там дом готовой, в котором, как он бывал городом, живали комиссары, в котором он расположиться сможет, для поправления коего отсюда водую с имением ево отправлены и мастеровые, кои там сыскать не можно, к приезду ево все готово будет. Когда же он отсюда отправится, вашему сиятельству донести не примину.

Посланный курьер в Ургу с листом в трибунал ¹⁹ еще не возвратился, препятствием чему вокруг моря дурная дорога, однакомж на сих днях ожидается, и какие сведения иметь буду, вашему сиятельству донесу.

Мы все трое беспрестанно нездоровы, что и принуждает непременно отсюда просить увольнения, и когда оное последует, уповаю на милости вашего сиятельства к нам, что вы не оставите приложить в том вашего мне покровительства и ходатайства.

Г. Губернатор ²⁰ и все ево семейство к Алекс. Николаев. и Елизаб. Василье. оказывают всякого благорасположения и вспомоществования, и можно уверится, естлиб я отсюда и выбыл, то он столь же будет спокоен, как и при мне.

Теперь повторяю докучную мою вашему сиятельству прозбу о зяте моем, что [б] он был отпущен к нам на такое время, чтоб успел возвратится к (?) сроку к команде, чем будет обрадовано все мое семейство.

В прочем препоручаю себя и все семейство мое в милость и покровительство вашего сиятельства с глубочайшим высокопочитанием и преданностию пребываю

Милостивый Государь

вашего сиятельства

всепокорнейший Слуга

Иван Пиль.

Почти в каждом из последующих писем Пиля находим упоминания о Радищеве. Большой частью это справки о здоровья, но и они представляют интерес для биографической канвы Радищева. Приводим соответствующие выдержки из писем:

[Из письма от 16 января 1792]²².

...Алекса. Никола., выехав из Иркутца декабря 19-го, приехал в определенное ему место сего месяца 3-го числа. Хотя расстояние от Иркутска не весьма далеко, но по глубоким по дороге снегам и проселочной дороге скорее доехать не мог; но пишет, что доехали здоровы и нашли там приготовленной для них дом довольно спокойным, а летом и еще поспокойнее сделать можно будет. Полученные после их посылки я на сих днях и письма к нему отправляю с колясочкою на ресорах, случившеюся у меня, в чем они и могут там ездить. Определенные вашим сиятельством ему на содержание на каждый год по 500 рублей, на нынешний 792 год при отъезде их в Блимск, как они всем нужным должны были здесь заготовиться, я отдал свои до прибытия от вашего сиятельства. Впрочем смею уверить, что они там, кроме скуки, никакой нужды не претерпят. Полученные от него к вашему сиятельству письма препроводить честь имею.

[Из письма от 13 сентября 1792]²³.

...От Алекса. Никола. писем к вашему сиятельству нету, да и быть не с кем, потому что посланный от меня в августе месяце к нему с плотниками не возвратится прежде зимы, а на сих днях отправлю к нему нарочного, который и возвратится в начале октября...

[Из письма от 15 декабря 1792]²⁴.

...Что принадлежит до Александра Николаевича, я поистинне смею уверить вас, милостивого государя, что он отнюдь не наносил мне никогда во время своего жительства в назначенном ему месте никакого беспокойства, но вместо сего я за особое удовольствие себе поставляю делать для него все то, что служить ему может утешением, и отнюдь не потерпит он в пребывании своем никаких последствий, кои бы нанесли ему огорчения, кроме собственной его участи, он удовольствия своего не лишится и тогда, когда бы взял я отпуску из здешнего места, ибо Иларион Тимофеевич²⁵ столько же расположен к нему со своим вспомоществованием, сколько и сам я собственно себе предоставил...

...После отправки сего курьера в Петербург получил я от Александра Николаевича письмо к вашему сиятельству, оное у сего препроводить честь имею...

[Из письма от 26 декабря 1792]²⁶.

...На содержание Алекса. Никола. на 793 год восемьсот рублей и письмо к нему я с тем же курером получил и на сих днях с нарочным к нему отправил, что же принадлежит до одолжений моих к нему, о которых он отзывается вашему сиятельству, то я смею уверить, что я лишнева ничего не сделал и думаю, что и всякой бы будучи на моем месте за удовольствие шол возможному ему вспомоществовать, чего, думаю я, что и по отбытию моему отсюда он не ли[ши]тся...

[Из письма от 5 января 1793]²⁷.

...На сих днях получил я чрез приезжего из Илимска купца от Алекса. Николае. писмо с приложением и к вашему сиятельству таковогожъ, которое при сем имею честь препроводить, он пишет ко мне, что они все здоровы...

[Приписка к письму от 12 января 1793]²⁸.

Р. С. С отправленными двумя нарочными к Алекса. Никола. с писмом и денгами получил я от него к вашему сиятельству два письма, которые при сем и препровождаю. Также и бумагу засвидетельствованную о денгах Елизабет. Васильевны: он уведомляет меня, что как денги 800 рублей так и все писма получил исправно и благодарит ваше сиятельство покорнейше о благодеянии, которую являть к нему изволите. И на сих днях отправляю к нему покупную здесь для них нужную провизию...

[Из письма от 7 марта 1793]²⁹.

...Писем от Александра Николаича я теперь в получении не имею, а следующая к нему от Моисея Николаича³⁰ посылка, так же и полученные мною от вашего сиятельства письма к нему и Елисавете Васильевне, я сего числа отправил с нарочным и когда получу от него уведомление, а так же когда присылаемы будут их письма, я для доставления к вашему сиятельству не оставлю пересылать их в Володимер...

[Из письма от 23 марта 1793]³¹.

...Сей день от Александра Николаича получил я чрез посыланного к нему с провизию человека письмо на имя вашего сиятельства, которое у сего препровождаю, они, как пишет ко мне Александр Николаич, остались все здоровы...

[Из письма от 27 апреля 1793]³².

...Чтож принадлежит до посылки получаемых от Глаферы Ивановны к Александру Николаичу писем³³, так же и от него к родственникам в Санктпетербург, то сие всегда исполняемо будет с точностью, о чем я ныне же уведомил и ее превосходительство...

...Полученное мною Александр Николаича письмо присем к вашему сиятельству препровождаю, он уведомляет меня, что все они остались здоровы...

[Из письма от 4 мая 1793]³⁴.

...Что принадлежит до Александр Николаича, то осмеливаюсь навсегда уверять ваше сиятельство, что он никогда не лишится во всех его необходимостях моего вспомоществования, которое, когда только будет нужно, я ныне посылаю к нему для вновь построенного дому стекла, а около Петрова дни пошлю туда пешников, коих там нетолько сыскать трудно, но и вовсе нет, кои бы разумели порядочно сие искусство...

[Из письма от 6 июня 1793]³⁵.

...Что принадлежит до Александра Николаича, я теперь доложить не могу, ибо по сие число писем от него не получаю, а по последним сведениям оставались они все благополучны...

[Из письма от 13 июля 1793]³⁶.

...Милостивое вашего сиятельства письмо от 20 мая, с приложением писем к господам Вонифантьеву³⁷ и Радищеву я имел честь получить, из коих первое к г-ну Вонифантьеву я нынеже отослал..., другое письмо к г. Радищеву я так же при оказии переслать не оставлю, а хотя от него и не имею я писем, но от приезжающих слышно, что они находятся все здоровы...

[Из письма от 27 ноября 1793]³⁸.

...Полученное мною от Александр Николаевича письмо на имя вашего сиятельства я у сего препроводить честь имею, он и все домашние ево остались здоровы и строящейся для жителства их дом ко окончанию приведен и во оной уже перешли...

[Из письма от 25 января 1794].

...Денги 800 рублей и книги от того куриера мною получены исправно и вскоре будут отправлены к Александру Николаевичу, о чем уже имел честь уведомить я вашего сиятельства от 11 ч. сего месяца...³⁹

...Сей час полученное от А. Никола. к вашему сиятельству письмо при сем препровождаю...⁴⁰

[Из письма от 31 января 1794]⁴¹.

...На милостивые вашего сиятельства писма имею честь донести, комерческой курьер Баранов приехал сюда 11 генваря, которой все отправленное ко мне от вашего сиятельства привез исправно, и следующие к Александру Николаевичу денги, ящики и письма завтра с приезжим сюда от него человеком все к нему отправлю...

[Из письма от 2 марта 1794]⁴².

...От Александр Николаевича я писем не получал, а сие от того что редко случаются от толь оказии, когда же получу от него уведомление о их пребывании донести вашему сиятельству не оставлю...

Между тем Радищеву угрожали неприятности. А. Р. Воронцов к этому времени вышел в отставку, в отставку же собрался и его иркутский корреспондент И. А. Пиль. В переписке с Воронцовым он много жалуется на расстроенное здоровье, на невзгоды, причиняемые иркутским климатом, и особенно на недоброжелательство и козни своих подчиненных. Последнее обстоятельство повидимому имело решающий характер. Для нашей публикации не представляет особенного значения, кто был прав в этом заурядном бюрократическом споре—И. А. Пиль или его враги. В скобках лишь отметим, что хорошо осведомленный в истории сибирских сатрапов декабрист В. И. Штейнгейль так характеризовал этого правителя: «Пиль был человек строптивый, капризный и вообще в Иркутске не любимый, имел своих тварей и допускал неправосудие, одним словом память его не совсем чиста»⁴³. Как бы то ни было, Пиль хлопотал об отставке и наконец получил ее. Отъезд его из Иркутска угрожал разрывом связей Радищева с Воронцовым и родственниками. На это обстоятельство указывает не без некоторого удовлетворения и сам Пиль.

[Из письма от 15 ноября 1794]⁴⁴.

...После отправленного моего последнего к вашему сиятельству письма, за приключившеюся мне болезнию, не мог я исполнить в том письме сказанного обещания, а ныне получа некоторую свободу, покорнейше доношу: на будущий 795 год несчастному Алек. Нико. денги восемьсот рублей я с охотою моею перешлю. Ибо хотя он и сам причиной своему несчастию, но теперешнее его состояние весьма жалко, а потому и пособие ему весьма нужно. А как я на сей почте из Петербурха полу-

чил известие, что я отсюда уволен, только за непредставлением кандидатов указ еще не подписан, в чем однакож уверяют, что не замешкается, то по выезде моем отсюда оные денги от вашего сиятельства и получить могу я с превеликим удовольствием, отсюда выезжая, но жалею только сердечно, что г. Радищев останетца не в таком спокойствии, как при мне он там был, и горесть ему будет чувствительнее. Но переменить уже сего нечем...

[Из письма от 22 ноября 1794] ⁴⁶.

...Полученное вчерась письмо от Алек. Нико. при сем к вашему сиятельству препроводить честь имею. Он знает, что я прошусь отсюда и с сожалением ко мне пишит о том, а к тому и не знает, чрез кого пересылать и получать письма, в чом я ему совету дать не могу, а сие для него будет несносно, ибо он то всегда делал посредством моим, но ежели найду верной к тому способ, уведомить его не оставлю...

[Из письма от 20 декабря 1794] ⁴⁶.

...Я уже имел честь вашему сиятельству от 13 сего месяца доносить, что на будущей 795 год денги 800 рублей с бывшим здесь человеком Алексан. Никол., приехавшим за покупками, отправлю, что 16 числа и исполнил, каковые и прежде чрез того же человека к нему посылал, и может быть до отъезду моего о получении оных получу от него уведомление, ибо я по полученным от зятя последним письмам ожидаю ево 'ссюда приезде не прежде как в конце нынешнего месяца и сам выеду отсюда будущего генваря в половине...

На этом переписки Воронцова с Пилем оканчивается. С последней выдержкой корреспондирует письмо Радищева от 1 января 1795 г., в котором он, уведомляя Воронцова о получении денег, писал: «г. Пиль оставил свою должность; это письмо, я надеюсь, еще дойдет до вас... Но затем у меня не остается никакой надежды ни писать, ни получать откуда-нибудь известия» ⁴⁷. Пользоваться услугами местных жителей Радищев не хотел, боясь скомпрометировать их, «как бы невинна ни была моя корреспонденция». И действительно, в письме Воронцову от 20 ноября 1795 г., отвезенном в Иркутск уже не генерал-губернаторским нарочным, а верной спутницей изгнанника Е. В. Рубановской, мы находим ряд жалоб. Положение его к этому времени резко ухудшилось. «Отъезд г. Пилия,—жалуется Радищев,—сразу изменил отношение к нам». Пришлось прекратить переписку с родными: «Уже шесть месяцев, как мы никому не писали; на просьбу о продолжении переписки с родными, губернатор ответил, что берется доставлять наши письма вашему сиятельству; об остальном он умолчал. Г-н Пиль предсказывал это» ⁴⁸.

Местные власти, обрадованные уходом Пилия, вымещали свою неприязнь к нему на Радищеве. Воронцову опять нужно было произвести соответствующий нажим. В этом направлении на него воздействовали и обеспокоенные родственники Радищева. Приводим посвященное отчасти этому вопросу письмо отца Радищева, характеризующее отношения между семьей его и Воронцовым.

Сиятельнейший Граф

Милостивы Государь,

всегдашние благорасположения вашего сиятельства ко мне, оказанные во многих случаях, заставляя меня и ныне прибегнуть к вашему сиятельству с моей покорнейшей просьбой яко к покровителю и милостивцу детям моим, о которых ныне единое имею попечение.

Вашему сиятельству известно состояние нынешнего моего здоровья и нещастия, что я лишен зрения, то самое сие требует, чтобы дети мои находились от меня в недалнем расстоянии, тем более что небольшое имение, за мною состоящее, находится почти все в одном месте, которое я предполагаю разделить в непродолжительном времени и поелику и часть имущества каждому достоящаяся будет весьма невелика, то жить в отдаленности от своего имения крайне невыгодно, посему милость вашего сиятельства ко мне была б велика, когда сыну моему, служащему советником в Архангелске, место в здешних губерниях по близости из ходатайствовать изволили б. Она была б тем для меня чувствительнее, когда бы место ему дано было с ходствененно с нынешним местом по части казенной палаты, по которой дела непременно должны быть ему ведомы. Удручающие мы с женою старостию и болезнями почувствовали б немалою б в душах наших радость, когда повсегдашним вашего сиятельства благотворению и человеколюбию, и нам вы сию оказать благоволили б; и заставили б на иболее восчувствовать всю милость к нашим детям и быть вечно благодарными.

По отставке его высокопревосходительства Ивана Алферьевича от его должности прискорбно ныне нам, что мы лишились удовольствия иметь переписку с нещастным

нашим сыном, которое было единое в нашей горести утешение, а посему вашего сиятельства всепокорнейше прошу сделать милость ежели можно предоставить нам способ свободной переписки, как прежде мы имели.

По благосклонности своей ко мне Саратовской губернатор Илья Гаврилович⁴⁹ представил о сыне моем Андрее Николаевиче в Кузнецк городничем, но тому семь месяцев как из сената никакой нет резолюции, то ко всем милостям присовокупите и сию о доставлении ему сего места.

В прочем с особливим моим почитанием и преданностию пребыть честь имею

вашего сиятельства

милостивого государя

всепокорнейши слуга

Н. Радищев

Февраля 8 дня

1795 года

село Преображенское⁵⁰.

Мы видим, что влияние екатерининского вельможи не слабело из-за его отставки. И иркутский губернатор Нагель очень скоро изменил отношение к своему поднадзорному. Приводим несколько выдержек из его писем к Воронцову, свидетельствующих об успехе произведенного давления. По тону своему они мало отличаются от писем Пила.

[Из письма от 14 ноября 1795].

...Касательно милостивой вашего сиятельства воле в присылке Радищеву денежной помощи, то как скоро ко мне дойдутся, их к нему исправно доставлю...⁵¹

[Из письма от 8 февраля 1796].

Присланные ко мне при письме вашего сиятельства от 25-го ноября прошедшего году следующие Александру Николаевичу письма и денег 500 рублей я к нему с нарочным доставил, в получении коих от него к вам, милостивейшему государю, письмо у сего влагаю, да в С.Петербург ее превосходительству Ржевской и в Архангельск брату Александр Николаевича, прося нижайше оные к ним препроводить...

[Из письма от 14 мая 1796].

Писма вашего сиятельства от 20-го февраля и 26-го марта, коими меня удостоить угодно было, с приложением при первом двух писем, одного к несчастному Радищеву, другое к свояченице его Елисавете Васильевне, и при последнем двух же, тройкой комерческой экспедиции директору господину Воифантеву, другое Радищеву я имел честь получить, из которых следующее к г. Воифантеву к нему уже отправил, прочие же еще у меня по случаю тому, што к Александр Николаевичу доставлено же мне от брата ево из города Архангельского посылка в бочке сложенная немалого весу, кою я за бывшее совершенную распутицю к нему в Илимск доставить по сие время истинно, ваше сиятельство, не мог, а на сих днях водою конечно и с писмами с нарочным отправлю, в чем нижайше прошу меня милостиво извинить...

[Из письма от 21 октября 1796].

...Доставленное мне к несчастному Радищеву письмо вашего сиятельства и два полученные мною от брата из Архангельска завтра с нарочным к нему отправлю...

Положение Радищева восстановилось. С января 1796 г. к нему опять стали приходить губернаторские курьеры. Но смерть Екатерины уже несла избавление. Последнее письмо Нагеля уже говорит о возвращении Радищева. Автор письма даже осмеливается, правда довольно неуклюже, положительно отозваться о друге своего корреспондента.

[Из письма от 17 июня 1797].

Писмо вашего сиятельства от 30 марта с милостивым благоволением о бывшем на жите[льстве] в Илимске Радищеве я имел шастие получить, за которое приношу вам, милостивому государю, мою наичувствительнейшую благодарность. Александр Николаевич поистине заслуживал вашего сиятельства о нем попечения, а с моей стороны ему оказываемое был долг обязанности, вами, милостивейшим государем, от меня требуя того, и ему же искренно желая, чтобы он от высокомонаршего милосердия и совсем был успокоен, в чем зная (?) милостивое ваше об нем старание, конечно может быть обнадежен...

Приведенные выше письма не вносят нового в понимание деятельности Радищева, но они дают ценный биографический и бытовой материал, позволяющий судить, в силу каких случайных по существу обстоятельств екатерининскому режиму не удалось сгноить в Сибири крупнейшего русского мыслителя XVIII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Архив кн. Воронцова», т. IX, стр. 212.
- ² J. Castéra, Histoire de Catherine II, impératrice de Russie, t. III, à Paris, an VIII (1800), стр. 72—73. Ср. также у М а с с о н а, Mémoires secrets sur la Russie, t. II, Amsterdam 1800, стр. 178—182.
- ³ «Архив кн. Воронцова», т. IX, стр. 181.
- ⁴ «Записки кн. Е. Р. Дашковой», стр. 221—222.
- ⁵ «Архива кн. Воронцова», т. XII, стр. 96.
- ⁶ Одно такое письмо тверскому губернатору Г. М. Осипову напечатано в V томе «Архива кн. Воронцова», стр. 397—400.
- ⁷ Там же, стр. 285. Это, как и прочие письма Радищева к А. Р. Воронцову, напечатанные в «Архиве кн. Воронцова», перепечатаны В. В. Каллашом во II томе его издания Собрания сочинений Радищева.
- ⁸ Все печатаемые ниже материалы извлечены из архива Воронцовых и публикуются нами впервые за исключением двух, особо оговоренных нами текстов, введенных в состав настоящей публикации для большей полноты.
- ⁹ Все письмо писано писарской рукой; приписка—автограф И. А. Пиля.
- ¹⁰ Имеется в виду вероятно сибирский купец Иван Голиков, один из основателей Российско-американской компании, которой покровительствовал А. Р. Воронцов. Попутно отметим, что среди корреспондентов его находился и И. И. Голиков, известный биограф Петра I, автор многотомного свода «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам». А. Р. Воронцов оказывал покровительство Голикову, дела которого в конце 70-х—начале 80-х годов сильно пошатнулись и привели его даже в долговую яму. Просьбой из тюрьмы о помощи и началась переписка Голикова с Воронцовым, в дальнейшем продолжавшаяся и частично опубликованная в т. XXIV «Архива кн. Воронцова».
- ¹¹ Эта посылка явилась ответом на просьбу Радищева, высказанную им в письме от 20 октября 1790 г. из Нижнего: «Позвольте затруднить ваше сиятельство бессовестной просьбой прислать мне термометр и ртутный барометр, один для метеорологических наблюдений, другой для определения высоты. Уверяют, что местность Иркутска настолько возвышена, что обыкновенный барометр не чувствует давления воздуха и не может выполнять свои функции. Мне было бы интересно знать, какова высота барометра на уровне Финского залива. Возможно, что я строю химеры относительно будущего моего образа жизни; что известно мне о том, что меня ожидает!» (В оригинале по-французски. «Архив кн. Воронцова», т. V, стр. 287.) Радищев просил по одной штуке, Воронцов же посылает несколько, вероятно из опасения их порчи в дороге. О своих метеорологических наблюдениях Радищев сообщал Воронцову в позднейших письмах из Илимска.
- ¹² Письмо черновое, без подписи, с поправками и вставками рукой какого-нибудь из секретарей А. Р. Воронцова.
- ¹³ Той же рукой, что и предыдущее письмо, написано набело.
- ¹⁴ Той же рукой, с черновыми помарками.
- ¹⁵ Письмо писарской рукой с собственноручной подписью.
- ¹⁶ Напечатано в т. V «Архива кн. Воронцова», стр. 403.
- ¹⁷ Очевидно в смысле «выехали из дому».
- ¹⁸ Об отправке вещей и провизии водою в Илимск упоминается в письме Радищева из Иркутска от 29 октября 1791 г.
- ¹⁹ В это время шли переговоры с китайцами о кяхтинском торге. Радищев неоднократно касался этой темы в своих письмах («Здесь все с нетерпеливостью ожидают ответа китайского трибунала о кяхтинском торге и надеются, что ответ будет благосклонным»—5 ноября 1791 г.— и т. п.) и даже посвятил ей особое рассуждение.
- ²⁰ Иркутским губернатором был в то время Л. Т. Нагель.
- ²¹ Все письмо собственноручно писано И. А. Пилем.
- ²² Напечатано в т. XXIV «Архива кн. Воронцова», стр. 214. Проверено по подлиннику.
- ²³ Все письмо рукою И. А. Пиля.
- ²⁴ Письмо писарской рукой с собственноручной подписью.
- ²⁵ Л. Т. Нагель.
- ²⁶ Все письмо рукою И. А. Пиля.
- ²⁷ Все письмо рукою И. А. Пиля.
- ²⁸ Все письмо писарской рукой; приписка—автограф И. А. Пиля.
- ²⁹ Письмо писарской рукой с собственноручной подписью.

³⁰ М. Н. Радищев.

³¹ Письмо писарской рукой с собственноручной подписью.

³² Письмо писарской рукой с собственноручной подписью.

³³ Глафира Ивановна Ржевская, ур. Алымова, институтская подруга второй жены Радищева, оказывавшая Радищевым различные услуги и переписывавшаяся с ними. Она же заботилась о старших сыновьях Радищева после их переезда из Архангельска в Петербург. В архиве Воронцовых сохранилось следующее письмо ее к А. Р. Воронцову (в оригинале по-французски):

С.-Петербург, 19 апреля 1794 г.

Очень благодарю вас, г. граф, за ваше любезное письмо и в особенности за выраженные в нем чувства ваши по отношению ко мне. Если я и лишена была в течение некоторого времени удовольствия сообщить вам о своих чувствах, то не менее того имела достаточно случаев думать об этом; к этому побуждает каждое письмо моего друга. Благодаря вам, я получаю от нее письма довольно регулярно, и нет ни одного, где бы она не говорила о вас. В последнем письме она выражает сильное беспокойство по поводу слуха, без сомнения ложного, о ваших сборах за границу; успокойте ее пожалуйста в этом, она очень опечалена вашим отсутствием и расстройством вашего здоровья. Лично меня удручает, г. граф, невозможность быть ей в какой-нибудь мере полезной. Ее сестра обирает ее, и мы не имеем никакого права потребовать ее имущество! Кроме того у нее есть тысяча мелких нужд, очень важных в ее положении, и я ничего не могу ей доставить, я так просила ген.-губ. предоставить мне возможность использовать посылаемых им курьеров, но ничего не получила. Уже год, как я храню пакет со всякими необходимыми ей вещами. Она сообщает мне между прочим, что совсем недавно они получили свидетельства вашей доброты—книги, быть может, и я не употреблю во зло ваше снисхождение, г. граф, прося, если это только никак не затруднит вас, предоставить мне возможность оказывать им время от времени услуги.

Бедные дети здесь, я к ним отношусь, как к собственным, и часто их вижу. Они очень хороши собою, прекрасно воспитаны, они так еще чисты сердцем и нравственностью! Их грустное положение так трогательно для всякого чувствительного сердца, что слова их несчастного отца, доверяющего их мне в последнем письме, раздирает мне душу. Самые большие угрызения мои вызываются невозможностью посвятить им все мои силы.

До свидания, милостивый государь, надеюсь, что разлука не отразится на дружеских чувствах, которыми вам угодно было дарить меня. Я же остаюсь на всю жизнь с совершенным уважением и высокопочитанием

вашей покорной служгой

Г. Ржевская.

Р. S. Передайте, пожалуйста, мой привет г-ну Ла-Фермьер. Я буду ждать, г. граф, что вы сооблаговолите указать мне, через кого можно будет отправить пакет моему другу. Я вас не благодарю за все, что вы для них делаете, ибо такая благодарность была бы для вас оскорбительна. Но я не могу не просить у вас продолжения ваших милостей для несчастных.

³⁴ Письмо писарской рукой с собственноручной подписью.

³⁵ Все письмо рукою И. А. Пяля.

³⁶ Письмо писарской рукой с собственноручной подписью.

³⁷ Директор кяхтинской таможни, упоминается также в переписке Радищева с Воронцовым.

³⁸ Письмо писарской рукой с собственноручной подписью.

³⁹ Писарской рукой.

⁴⁰ Приписка—автограф.

⁴¹ Письмо писарской рукой с собственноручной подписью.

⁴² Письмо писарской рукой с собственноручной подписью.

⁴³ Цитируем по Герценовскому «Историческому сборнику вольной русской типографии в Лондоне», кн. I, стр. 79.

⁴⁴ Все письмо рукою И. А. Пяля.

⁴⁵ Письмо писарской рукой с собственноручной подписью.

⁴⁶ Письмо писарской рукой с собственноручной подписью.

⁴⁷ «Архив Воронцова», т. V, стр. 354.

⁴⁸ Там же, стр. 355—357.

⁴⁹ Саратовским губернатором был в это время И. Г. Нефедьев.

⁵⁰ Письмо писарской рукой с собственноручной подписью.

⁵¹ Все письма Л. Нагеля—автографы.